
Hope of Salvation Mission

Лори Вик

ТАМ, ГДЕ ЦВЕТЕТ
Дикая

роза

Миссия «Надежда Спасения»
Ванкувер

МСМ
Санкт-Петербург
2009

Originally published in English under the title:

WHERE THE WILD ROSE BLOOMS

by Lori Wick

Copyright © 1996 by Lori Wick

Published by Harvest House Publishers

Eugene, Oregon 97402

ISBN 978-0-7369-1818-3

© Издание на русском языке. Hope of Salvation Mission, 2009

P. O. Box 5022, Vancouver WA 98668-5022

Серия «Воспоминания о Скалистых горах», книга первая

Вик Л.

Там, где цветет дикая роза / Пер. с англ. — СПб.: ООО «МСМ», 2009. — 400 с. — (Воспоминания о Скалистых горах)

ISBN 978-5-903010-14-1 (отд. кн.)

ISBN 978-5-903010-13-4

Сможет ли любовь сломить ее упрямую гордость?

В горах Колорадо Клейтон Тэггарт трудится изыскателем серебряных рудников, мечтая о том дне, когда сможет стать школьным учителем. Лелея свою мечту, он знакомится с Джеки Фонтейн, которая вместе со своей семьей приехала с Востока. С первой же встречи она начинает враждебно относиться к молодому человеку.

Поначалу Клейтону доставляет удовольствие поддразнивать Джеки. Но когда между ними возникает искорка любви, их неожиданно постигает трагедия. Тайна Джеки столь ужасна, что она лучше потеряет Клейтона, нежели все расскажет ему. Сможет ли что-нибудь вернуть Джеки из добровольного изгнания и пролить свет во мрак ее сердца?

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения издателя.

27 декабря 1872 года

Дорогой Морган!

Если ты читаешь это письмо, значит, Господь ответил на мои молитвы. Вот уже третье Рождество я встречаю без своей Клары, и хотя в эту пору я чувствую себя особенно одиноким, остальное время года ничуть не лучше. Моя торговля идет успешно, магазин приносит доход, достаточный для трех семей, но что пользы в успехе, если его не с кем разделить.

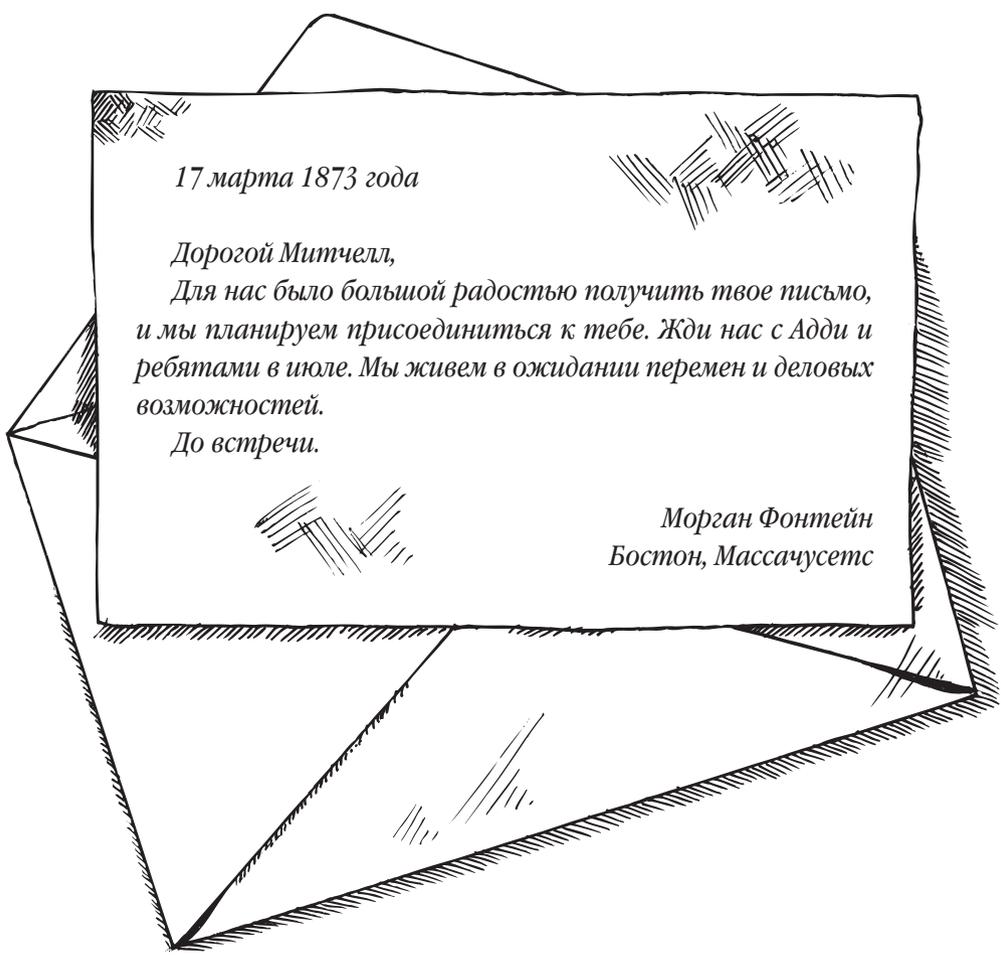
Я был бы очень рад видеть тебя и Аделину, более того, я хотел бы сделать вам деловое предложение. Я переселился в комнаты, что расположены над магазином. У меня все еще есть дом, но он слишком велик для меня одного, кроме того, там все напоминает о Кларе. Я не знаю, как обстоят ваши дела в Бостоне, ведь с этой войной столько всего изменилось. Если вы тоже хотите каких-то перемен, то знайте, что здесь вас ждут дом и работа. Сейчас более чем когда-либо, я ощущаю годы, разделяющие нас. Я не могу больше проводить свои дни в одиночестве. Каждый год из прожитых мной шестидесяти трех лежит на моих плечах тяжелой ношей.

Здесь живут многие владельцы рудников, поэтому в городе есть школа и церковь, и, как я уже говорил, дела идут хорошо. Зима тянется месяцами, но весна такая, что ее стоит ждать. Не хочу, однако, чтобы у вас создалось ложное представление. Я много работаю, а время тянется долго, но если ты, Морган, вырастил крепких сыновей, бремя будет легче.

Но хватит уже уговоров. Вы знаете, где меня найти. Я посылаю вам это письмо с надеждой, что вскоре получу от вас ответ, даже если вы решите отклонить мое приглашение присоединиться ко мне. Я часто задаю себе вопрос, как случилось, что братья могли так отдалиться. Очень надеюсь, что вы приедете, но даже письму от вас, единственной семьи, которая у меня осталась, я был бы очень рад.

Искренне ваш,

Митчелл Фонтейн
Джорджтаун, Колорадо

17 марта 1873 года

*Дорогой Митчелл,
Для нас было большой радостью получить твое письмо,
и мы планируем присоединиться к тебе. Жди нас с Адди и
ребятами в июле. Мы живем в ожидании перемен и деловых
возможностей.*

До встречи.

*Морган Фонтейн
Бостон, Массачусетс*

Вырезанный прямо из склона горы, Джорджтаун был испещрен узкими улочками. В городке, который находился в глубокой долине, проживало более трех тысяч жителей. С трех сторон город окружали скалистые горы, местами поросшие соснами и дикой розой. На вершинах гор даже в середине лета оставался снег. Посреди всей этой красоты рудокопы, работавшие на серебряных рудниках, построили лачуги и разместили свое оборудование. Отвал породы из шахт создавал свои собственные горы и долины, которые придавали какие-то мрачные и загадочные очертания окружающему пейзажу.

Улицы, по сторонам которых выстроились дома, тянулись на север и юг, запад и восток. Дома были выкрашены в разные оттенки от белого до темно-серого, иногда в глаза бросались фасады розового или светло-голубого цвета. Через город протекал Звонкий ручей, который быстро и шумно нес свои воды, о чем говорило само его название. Дети всех возрастов любили переходить ручей или просто стоять на деревянном мосту, который с обеих сторон поддерживали большие тяжелые бревна.

Клейтон Тэггарт, местный житель, помахал рукой ребятам, собравшейся на мосту, чтобы поглазеть на бурный поток воды, и остановил свой фургон возле магазина, где продавалось все, что

могло бы понадобиться в хозяйстве. Он выбрался из повозки, потер занемевшую спину, перекинул поводья через перила и затянул петлю. Он целыми днями разъезжал в седле, поэтому ему было очень неудобно сидеть на козлах. Молодой человек приехал в город с целым списком покупок. Мать сама отправилась бы в Джорджтаун, но была больна Милли, младшая сестра Клейтона.

Клейтон пересек улицу и направился к цирюльне. Он уже не раз подумывал о том, что должны быть более легкие способы зарабатывать на жизнь. Геодезисты и изыскатели шахт пользовались большим спросом, но они не могли жить, как владельцы рудников, в городе. В его мыслях снова промелькнула мечта, которую он вынашивал уже несколько лет, но он заставил себя не думать о ней.

— Ну что, Клей, — обратился к восемнадцатилетнему посетителю хозяин, поздоровавшись, когда тот вошел в цирюльню.

— Здравствуй, Хэп. У тебя найдется время, чтобы постричь меня?

— Все кресла к твоим услугам.

Разместившись на разнокалиберных стульях, стоящих вдоль противоположной стены, сидели завсегдатаи цирюльни, некоторые курили, другие читали еженедельные новости. Они пробормотали свои приветствия, когда Клей повесил шляпу на крючок у двери и занял место в огромном парикмахерском кресле. Полосатая простыня взметнулась вверх и накрыла его до самого горла.

— Твой отец все еще в отъезде? — поинтересовался Хэп.

— Ага. Вернется через несколько дней.

— В тех горах, должно быть, сейчас здорово, — вставил Чарли Паркс. Он держал развернутую газету перед самым носом, а Клейтон только усмехнулся. Сам Джорджтаун находился на высоте двух с половиной тысяч метров над уровнем моря, поэтому здесь было довольно прохладно круглый год. Но в той местности, где работал Клейтон, было еще прохладнее.

— Там еще много работы, — тихо заметил Клейтон, но, казалось, его никто не расслышал.

Хэп молча щелкал ножницами. Клейтон спросил:

— Что нового в городе? — Если никто с ним не будет разговаривать, он просто уснет.

— Ну, что ж, — довольно проговорил Хэп, — доктор Эдвардсон сломал ногу.

— Как это он умудрился?

Прежде чем ответить, Хэп издал хриплый смешок.

— Он сильно повздорил со своей женой и, когда стемнело, вышел из дому, громко хлопнув дверь. А потом оступился и скатился по ступеням, сломав себе при этом ногу. Ему пришлось звать на помощь своего папашу, чтобы тот вправил его кости.

Клейтон удивился, но посочувствовал.

— Билли Роупер и Джун Хоули решили пожениться, что-то уж очень неожиданно. Поговаривают, что у нее есть на то серьезные причины.

Взгляд Клейтона в зеркале стал очень серьезным. Хэп прокашлялся и изменил тему разговора.

— Брат Митча Фонтейна вместе со всем своим семейством переехал в город.

Что-то в его голосе привлекло внимание Клейтона и заставило присмотреться к Хэпу, но тот сохранял невозмутимый вид.

— Так вот, — продолжил он, — зовут его Морган. Жена у него просто красotka.

— А где они живут? — любопытно спросил Клейтон.

— В старом доме Митча. Слушай, тебя ведь давненько здесь не было, Клей, — неожиданно заметил Хэп.

— Шесть недель, — сдержанно ответил Клейтон.

— Удивительно, что мать тебе ничего не рассказала.

— Я, Хэп, домой вернулся только вчера вечером, к тому же у нас Милли заболела.

— Это сейчас-то? Жаль-жаль. На следующей неделе в школу, наверное, пропустит первый день?

— Мы надеемся, что не пропустит.

— У Митча распродажа, — из-за газеты снова послышался хриплый голос Чарли Паркса.

— Распродажа? — скептически переспросил Клейтон.

— Ага, — подхватил Хэп. — В кои-то веки первая. Морган сказал Чарли, что они собираются завезти новый товар, поэтому, чтобы избавиться от старого, устраивают распродажу.

Клейтон хотел покачать головой, но вовремя вспомнил о ножницах Хэпа.

— Здесь происходит много всяких перемен. Заглянешь к ним, Клей?

— Ага. Ма дала список покупок.

Со стороны стульев, стоящих у стены, послышался шум, но Клейтон не обратил на это внимания. Хэп закончил его стричь и теперь обмахивал уши и шею маленькой щеточкой. Клейтон сунул монету в ладонь старика и направился к своей шляпе.

— Пусть *ребята* помогут тебе, когда пойдешь за покупками, — в последний раз бросил Чарли, так и не показавшись из-за газеты.

К полнейшему замешательству Клейтона, Хэп и остальные разразились смехом.

— Да, Клей, — почти прокричал Хэп, — познакомься со всей семейкой и *позаботься*, чтобы эти ребята помогли тебе с твоими покупками.

Раскатистый хохот доносился со всех сторон, но Клейтон только головой покачал.

— Спасибо, Хэп.

Старик так и не услышал его слов. Клейтон вышел, сопровождаемый взрывами смеха. Он сошел с настила и пошел по пыльной улице по направлению к магазину, размышляя о брате Митча Фонтейна. Клейтону и в голову не приходило, что за время его отсутствия в Джорджтауне могли появиться какие-то новые жители.

— Тэг! — кто-то окликнул Клейтона, когда он уже достиг противоположной стороны улицы.

Обернувшись, молодой человек увидел своего приятеля и помахал ему рукой. Клейтон переступил порог магазина Фонтейна. Перезвон колокольчика все еще звучал в его ушах, когда он обратил внимание на перемены, произошедшие в магазине. Товары были не только переставлены, они выглядели чище и аккуратнее, как в те дни, когда Клара еще была здорова.

В магазине было две двери, одна вела в скобяную лавку, а другая — в бакалейную. Все покупки по списку нужно было делать в бакалейной лавке, но запах кожи, доносившийся из соседнего помещения, был таким соблазнительным, что Клейтон решил заглянуть и справиться насчет седел и упряжи. Размышления Клейтона были прерваны приветствием Митча.

— Здорово, Клей, — просто сказал он.

Клейтон обернулся. Вместе с Митчем был не кто иной, как, должно быть, его брат. Тот был моложе, но семейное сходство бросалось в глаза.

— Здравствуй, Митч, — ответил ему Клейтон с фамильярностью, которую позволяло их давнее знакомство.

— Приятно тебя видеть, Клей. Познакомься с моим братом Морганом, — добавил Митч с большим воодушевлением.

— Здравствуйте, сэр, — почтительно произнес Клей.

— Клей? — переспросил Морган.

— Да. Клейтон Тэггарт.

— Приятно познакомиться, Клей. Я Морган Фонтейн, а это, — он подождал, пока женщина, появившаяся в проходе между полками, подошла ближе, — моя жена Аделина.

Клейтон снял шляпу. Возможно, Хэп преувеличивал во всем другом, но его замечание по поводу «красотки» было более чем справедливым: Аделина Фонтейн действительно была красавицей.

Она подошла к Моргану и стала рядом с ним, а тот продолжил представлять их друг другу:

— Адди, это Клейтон Тэггарт.

— Здравствуйте, мистер Тэггарт, — у нее был глубокий голос и произношение образованного человека.

— День добрый, мэ.

— Чем мы можем служить вам? — спросила она.

Клейтон пошарил в своем нагрудном кармане и вытащил список покупок. Вскоре на прилавке появилось все, от сахара до швейных иголок. Его списком занимались Митч и Морган, а Клейтон в это время беседовал с миссис Аделиной Фонтейн. Он узнал, что Фонтейны только что переехали в Джорджтаун из Бостона.

— Должно быть, это вашу мать зовут Илейн.

— Да.

— Пожалуйста, передайте ей нашу благодарность за корзинку с выпечкой, которую она оставила для нас в доме, а также извинитесь за то, что я еще не выбрала времени, чтобы приехать проведать ее. Я непременно загляну к ней.

— Я обязательно передам, но нет нужды торопиться с этим. Сейчас болеет моя сестра, так что, наверное, вам лучше повременить с визитом.

— Мне жаль это слышать, мистер Тэггарт. Может, я могу быть чем-то полезна?

— Вообще-то, ей уже лучше, но спасибо за участие. Я уверен, мама будет рада принять вас. Может быть, на следующей неделе?

— Хорошо, я буду рассчитывать на это, мистер Тэггарт.

— Пожалуйста, называйте меня Клеем.

— Ну, в таком случае, я — Адди. Я заметила, что в городке все люди называют друг друга только по имени, и, по правде говоря, мне тоже так более удобно.

Они обменялись дружескими улыбками, к ним присоединился Морган.

— Думаю, это все, мистер Тэггарт.

— Пожалуйста, называйте меня Клей.

— Клей так Клей. Я отнесу твои покупки? — Морган поднял мешок. — Где ребята? — спросил он у Адди.

— В кладовой, — просто ответила она.

— Эд! Джек! — громко позвал Морган. — Идите-ка сюда.

Клейтон как раз забросил мешок овсяной муки на свое мускулистое плечо, когда появились ребята.

— Ребята, — обратился к ним отец, — помогите-ка мистеру Тэггарту донести его покупки.

Клейтон застыл на месте. *Ребятами* оказались две наипрекраснейшие девушки из всех, что он видел в своей жизни. Одна была очень миленькой, а вторая сногшибательно красивой. Они были невысокого роста, но в их фигурах и движениях просматривалась очаровательная женственность. У обеих поверх платьев были надеты чистые белые накрахмаленные фартуки, которые только подчеркивали синеву их глаз и блеск красновато-коричневых волос.

Клейтон понимал, что таращится на них с самым глупым видом, но ничего не мог поделать. Он поймал на себе удивленный взгляд одной из девушек, но продолжал смотреть во все глаза. Однако глянув на ее прекрасную сестрицу, столкнулся лишь с высокомерным презрением. Совершенно неожиданно его удивление нашло отклик у первой девушки.

— Ну же, — подгонял Морган.

Девушки взяли свертки и понесли их к коляске. Клейтон последовал за ними, он не сводил глаз с их волос, которые блестящими волнами спускались по их спинам.

— Ну вот, — проговорил Морган. — Сейчас мы принесем остальные свертки. Минуточку, Клей.

Клейтон лишь обрадовался возможности постоять и подождать, это дало ему время справиться с потрясением. Морган Фонтейн принес еще пару пакетов и попрощался, потому что его ожидали другие клиенты, но девушки сделали еще две ходки. Возвращаясь с последним пакетом, более миловидная из сестер оступилась на высокой доске и чуть не упала лицом в пыль. Видно было, что Клейтон не без удовольствия наблюдал за этим.

Она заметила насмешливый блеск в его глазах, и он с удивлением отметил, как она высоко вздернула подбородок. Одним движением головы она откинула волосы назад, а в ее глазах загорелся темно-синий огонь.

— Джентльмен никогда не позволил бы себе смеяться в такой ситуации, — произнесла она высокомерным тоном.

Улыбка Клейтона стала еще шире.

— Что ж, теперь мы оба знаем, что я из себя представляю.

В ее тонких чертах отразилось раздражение, она развернулась и в гневе направилась в магазин. Глядя в ее сторону, пока девушка не исчезла из виду, Клейтон повернулся к ее сестре, которая осталась стоять возле коляски. Они улыбнулись друг другу.

— Ты ей не нравишься, — произнесла девушка, а плечи Клейтона затряслись от тихого смеха.

— Она дала понять это достаточно ясно. — Клейтон переменял тему разговора. — А вас действительно зовут Эд и Джек?

— Эдвина и Жаклин. Эдди и Джеки для всех, кроме отца, который всегда хотел сыновей.

— Но у него одни девчонки? — уточнил Клейтон.

— Да, — улыбнулась девушка, и у нее снова появились ямочки на щеках. — Целых пять.

— *Пять?*

— Да.

Они рассмеялись, а когда Клейтон немного перевел дух, он спросил:

— Так ты Джеки или Эдди?

— Я Эдди. Джеки — это та, которой ты не нравишься.

Клейтон только рассмеялся в ответ.

— Любопытно, удастся ли мне как-то изменить ее мнение.

Эдди склонила голову набок.

— Думаю, ты мог бы, но что-то мне подсказывает, что ты не станешь этого делать.

Клейтон покачал головой. То, что его мысли можно было так легко прочитать, привело его в смятение. Конечно, он мог бы вести медоточивые разговоры и расшаркиваться перед прекраснейшей мисс Фонтейн, но Эдди была права, он не станет этого делать.

— Что ж, мистер Тэггарт, думаю, мне пора возвращаться к работе.

— Пожалуйста, называй меня Клей или Тэг, как это делают все мои друзья.

Восхитительная головка снова склонилась набок.

— Что ж, поскольку я надеюсь, что мы подружмся, я буду называть тебя Тэг.

Клейтон улыбнулся ей, но мгновение спустя он снова обратил свой взгляд к двери.

— Я не слишком далеко зайду, если позволю себе спросить, сколько барышням лет?

— Слишком, — с улыбкой ответила Эдди, — но я все равно отвечаю. Мне недавно исполнилось восемнадцать, а Джеки — пятнадцать.

— А остальным?

— А ты любопытный, — поддразнила Эдди. — Дэнни — тринадцать, Лексе — двенадцать, а Сэмми — десять.

— А Лекса — это?..

— Александра, — подсказала Эдди. — Но папа зовет ее Алекс.

Клейтон понимающе кивнул и улыбнулся.

— Эдди, мне было очень приятно познакомиться. Надеюсь, мы вскоре увидимся снова.

— Не ври, Тэг, — она немедленно воспользовалась его прозвищем. — Ты надеешься, что вскоре снова увидишься с *Джеки*.

Клейтон ни слова не проронил, но широко ей улыбнулся. Через мгновение он уже сидел в повозке, направляя лошадей домой.

— Клей, это ты? — послышался из спальни голос матери, когда он вошел в дом.

— Да, я уже вернулся.

Через мгновение Илейн Тэггарт вошла в кухню их маленького, но уютного дома.

— Надеюсь, я ничего не забыл и привез все, что было в твоём списке.

— Спасибо, дорогой, — проговорила она и подошла к нему, взяла мешок из его рук и стала выкладывать покупки на стол.

— Как дела у Милли?

— Ты сам можешь спросить ее об этом. Жара у нее сегодня нет, и она ужасно скучает из-за того, что некому составить ей компанию.

Клейтон направился к лестнице, ведущей к спальням Милли и родителей.

— Нет, Клейтон, она в большой комнате. Давай располагайся, а я принесу вам обед.

Клейтон тихо зашел в гостиную. Его сестра, укрытая пледом, свернулась калачиком на диване. Ее глаза были закрыты, и Клей решил, что она спит. Его собственная спальня находилась в маленькой комнатухе рядом с гостиной. Вернувшись в гостиную, он удобно расположился за столом. Он открыл книгу и успел про-

читать только первую страницу, когда, оторвав от нее взгляд, заметил, что сестра наблюдает за ним.

— Тебя постригли, — отметила она.

Клейтон провел ладонью по стриженной голове и затылку. Поскольку он вернулся домой накануне поздно ночью, а уехал рано утром, еще до того, как она вышла из своей комнаты, Милли не видела, как сильно он оброс.

— Пока ты был в отъезде, ты с папой не встречался?

— Встречался. Он как раз был у Серебряного Пера, думаю, он вернется домой к концу недели. Я уверен, он приехал бы и раньше, если бы знал, что ты болеешь.

Милли улыбнулась этой мысли. Она очень любила отца и ужасно скучала по нему, когда тот был в отъезде. Она прекрасно понимала, что, все еще испытывая слабость, расплачется, если будет продолжать думать о папе, поэтому с едва заметным отчаянием в голосе спросила:

— А в городе кого ты видел?

— Завсегдагаев в цирюльне, — начал Клей и, к большому удивлению Милли, во всех подробностях описал ей все, что видел и делал, с кем встречался.

Он как раз рассказывал о своем разговоре с Эдди у магазина, когда сестра перебила его.

— Я однажды видела Эдди Фонтейн, когда мама попросила меня отнести им корзинку с кексами. Кажется, с ней была еще самая младшая из сестер.

— Лет десяти?

— Ага.

— Значит, это была Сэмми. Эдди говорила, что их всего пятеро.

— И все с мальчишескими именами.

— Ну, прозвища, которые им дал отец, может, и мальчишеские, но то, что они *барышни*, так это несомненно.

— А что представляет собой Джеки? Она, по-моему, ровесница мне.

Клейтон свел брови на переносице. Обычно он не позволял себе плохо высказываться о ком-либо, но описать Джеки ему было трудно.

— Ты права, она твоего возраста, но, думаю, тебе будет трудно полюбить ее.

— И что бы это значило?

Клейтон опустил глаза. Ему не следовало бы вкладывать такие мысли в голову сестре.

— Извини, Милли. Я неправильно выразился. Вы можете хорошо поладить, но мне показалось, что переезд сюда дался ей очень нелегко. Джорджтаун — это не Бостон, кроме того, я не знаю, каким чувством юмора она обладает.

— Это так ты пытаешься сказать, что она надменная особа?

Клейтон скорчил гримасу, его сестра была далеко не глупа, но в глазах Джеки он и вправду заметил нечто, что трудно поддавалось описанию. Наконец он произнес:

— Думается мне, что она больше напугана, чем надменна, так что это, пожалуй, только видимость.

Милли кивнула. Хотя сегодня у нее не было ни головной боли, ни жара, она все еще чувствовала усталость и даже разговор изнурил ее. Тут в комнату вошла мама, неся большие кружки с супом и толстые ломти хлеба. Милли пообедала вместе с мамой и братом, но вскоре захотела вздремнуть. Илейн и Клейтон оставили ее одну. Илейн замесила тесто для выпечки, а Клейтону нужно было прочитать несколько писем и ответить на них.

— Ну, Дэн, — пропыхтел отец, — поднимай тот конец.

Тринадцатилетняя Дэнни изо всех сил старалась делать, как ей велят. Она смогла поднять коробку, но с ней было трудно передвигаться.

— Она слишком тяжелая.

Морган нахмурился, но девочка восприняла это спокойно.

— Где Эд?

— Читает письмо от Роберта.

На лице Моргана появилась мрачная мина.

— Что за выражение лица? — мягко проговорила Адди, приближаясь к нему.

Морган неохотно улыбнулся. Он мог бы рассердиться и часто сердился на всех и вся, но при этом даже вида его любимой жены было достаточно, чтобы успокоить его. Адди родила ему одних девчонок, хотя он очень хотел сына, но он простил ей даже это. А сейчас она улыбалась, глядя ему в глаза, и, проходя мимо, нежно положила свою руку ему на грудь. Морган быстро осмотрелся вокруг и шлепнул ее чуть пониже спины. Она повернулась к нему с негодованием.

— Морган Фонтейн! Мы же в магазине!

— Но здесь же никого нет, Адди, — сдержанно ответил он.

— Ты считаешь, что Дэнни — «никто»?

— Ты же ничего не видела, правда, Дэн?

— Ничегошеньки, — произнесла та, глядя на них с широчайшей улыбкой.

Адди покачала головой в шутливой безысходности, а Морган сказал Дэнни, чтобы она позвала Эдди.

— Она читает письмо от Роберта, — сообщила Адди таким голосом, который заставил Дэнни замереть на месте.

Ее мама умела найти подход к отцу.

Услышав слова жены, Морган нахмурился, но затем спросил:

— А где Джек?

— Она в доме, решает, что надеть на первый день в школу, — спокойно произнесла Дэнни.

— Первый день в школе будет только на следующей неделе, — недовольно проворчал он. — Беги домой и скажи ей, чтобы шла сюда. И Алекс, если увидишь ее.

Дэнни только недавно пришла из дому, и ей очень не хотелось проделывать весь этот путь, возвращаясь обратно, но она сделала, как было велено.

— Спасибо тебе, — тихий голос Адди достиг ушей Моргана.

— За что это?

— За то, что не заставил Эдди прийти сюда.

Морган нахмурился.

— Не нравится мне эта ее переписка с мужчинами.

— Не с мужчинами, а с *мужчиной*. Только с Робертом Ленгли.

— Все равно не нравится.

— О, мой хороший, — продолжала Адди своим мягким голосом, — как бы мне хотелось, чтобы ты смирился с неизбежным.

— Что ты имеешь в виду?

— Морган, она влюблена в этого человека. Моя сестра говорила, что это произошло, как только они увидели друг друга.

— Адди, Лейси не может об этом знать.

Аделина внимательно смотрела на него.

— Сегодня вечером я спрошу Эдди об этом письме. Я хочу, чтобы ты наблюдал за ее реакцией, — произнесла она.

— Я даже не знаю, что это докажет.

Зазвенел колокольчик, оповестив о приходе покупателя, и Адди смогла лишь прошептать:

— Ты только наблюдай.

— Джеки, — позвала ее младшая сестра, как только вошла в переднюю комнату двухэтажного дома.

— Я наверху, — послышалось в ответ.

— Ты нужна папе в магазине.

Дэнни продолжала стоять в передней комнате, когда на верхней ступеньке лестницы появилась Джеки, на которой было только нижнее белье.

— Но я же только что пришла домой, — возмутилась она. — А где Эдди?

— Читает письмо от Роберта.

Джеки была столь же вспыльчива, как и ее отец, и, оказавшись на месте Эдди кто-то другой, она дала бы волю своему характеру. Но старшая сестра имела на Джеки такое же воздействие, как Адди на ее отца, поэтому девушка вернулась в комнату лишь за тем, чтобы одеться. Даже не причесав волосы, двадцать минут спустя она была в магазине. Но, тем не менее, ей досталось от отца за то, что она так долго где-то возилась.

— Ты слишком беспокоишься по поводу внешнего вида, — отчитывал он Джеки, а она, единственная из всех его детей, отвечала ему так же сердито.

— Занятия в школе начинаются на следующей неделе, а мне нечего надеть!

— Да у тебя полный шкаф одежды!

— Я ненавижу все эти платья! Мне нужно что-то новое!

— Я едва ли могу добиться, чтобы ты поработала хотя бы минуточку, а тебе нужны новые платья?!

Пятнадцатилетняя барышня раскрыла рот. С тех пор как они переехали в Джорджтаун, она только то и делала, что работала, и выражение ее лица напомнило отцу об этом факте.

— Ладно, Джек, — примирительно проговорил Морган, — мы обсудим твои платья сегодня вечером, но сейчас нужно сделать работу.

— Хорошо, — уступила Джеки, но всем своим видом она ясно давала ему понять, что очень недовольна этим.

Десять минут спустя Эдди тоже пришла в магазин, и до его закрытия они многое успели сделать. Адди пригласила на ужин Митча, но он отклонил приглашение с благодарной улыбкой. Он признался Адди, что очень устал и хотел бы побыть в тишине своих просторных комнат, располагавшихся над магазином.

Семейство Моргана Фонтейна отправилось домой. Адди не переставала удивляться тому, насколько идеально подходил им этот большой дом. На нижнем этаже находилась очень миленькая гостиная, так называемая столовая, в которой не хватало только большого стола и стульев, большая, просторная кухня с пристроенной кладовой и маленькая спальня, стоящая в стороне. Большую площадку наверху окружали четыре спальни, там была даже туалетная комната и большая ванная. Адди каждый день благодарила Бога за Его заботу и прекрасно понимала, почему Митч не хотел сам жить в этом большом доме.

Через полчаса работы на кухне, где стоял стол и много стульев, ужин был накрыт и все обитатели дома расселись по своим местам. Когда они приступили к вечерней трапезе, Морган обратился ко всей семье, благодаря их за исправный труд и призывая работать еще усерднее.

Пока муж говорил, Аделина хранила молчание; когда же он закончил, она задала Эдди тихий вопрос:

— Дэнни говорила, что ты сегодня получила письмо от Роберта.

Залившись румянцем, Эдди только кивнула в ответ и опустила свой взгляд на край бело-голубой фарфоровой тарелки.

— Как там у него дела? — продолжала допытываться мать.

Поведение Эдди переменилось. Она закусила нижнюю губу, а глаза засветились от счастья.

— У него все хорошо, — выдохнула она.

Адди обменялась коротким взглядом со своим мужем, который сидел, нахмурившись, а затем продолжила расспрашивать дочь.

— Что он пишет?

— Ну, — лицо Эдди светилось от любви, — он пишет, что завидует нам, потому что здесь, в горах, прохладно. В Боулдере сейчас очень жарко. Он пишет, что дела в банке идут хорошо, но он уже устал от своей маленькой квартирки в центре. — Она какое-то время колебалась, а затем тихо добавила: — Он присматривает участок и надеется построить дом.

— Это же просто здорово, — проговорила Аделина, прежде чем сестры Эдди присоединились к разговору.

Они задавали Эдди много вопросов, ответов на которые Эдди не знала, но она так восхитительно пожимала плечами, что все, кроме отца, только смеялись. Адди видела, что после ужина ее супруг намерен поговорить с Эдди напрямую, но она остановила его, когда девочки начали убирать со стола. Нежно ухватив его за руку, она повела его за собой через коридор в гостиную. Там она зажгла лампу и, серьезно глядя ему в глаза, сказала:

— Тебе не нравится, когда я права, поэтому я не буду просить, чтобы ты с этим согласился, но, тем не менее, Морган, я должна это сказать. Ты для себя уже решил, что ничего подобного не случилось бы, если бы у нас были сыновья, но я с тобой категорически не согласна. И сыновья когда-то вырастают, влюбляются и покидают отчий дом. Кто-то может остаться, но, конечно, не все. И мы должны с этим смириться. Роберт замечательный человек, и Эдди никогда не позволяла себе быть непослушной своим родителям. Речь идет не о простом капризе. Если ты запретишь ей любить этого человека, это разобьет ей сердце. Конечно, она послушается, потому что любит тебя, но, повторяю, ты просто разобьешь ее прекрасное сердце.

— Но мы даже не знаем этого человека! — воскликнул Морган громким шепотом.

— Именно поэтому давай пригласим его погостить у нас и узнаем его получше. Давай будем поддерживать Эдди, а не подавлять ее. — Глаза Аделины наполнились слезами. — Мой отец никогда не одобрял тебя, но я бежала с тобой, потому что ты завладел моим сердцем. Перед смертью отец понял, что очень ошибался на твой счет. Конечно, Эдди никогда не позволит себе взбунтоваться, как это сделала когда-то я, но ведь и ты можешь ошибаться в отношении Роберта.

Морган очень тяжело вздохнул. Он притянул к себе Адди и крепко обнял ее. Он никогда не мог выносить ее слез. Его милая

женушка понятия не имела о том, что всякое дело спорилось в его руках, во всем он добивался успеха отчасти оттого, что отец Адди сказал, что этому никогда не бывать. Морган Фонтейн был неутомным. Он с семьей жил во многих местах, он приложил руку к разного вида деятельности и во всем преуспевал главным образом потому, что воспринимал свое занятие как вызов.

Адди прижималась головой к его груди. Он запрокинул ее голову, чтобы она могла видеть его, и поцеловал в висок.

— Аделина, как хочешь рассуждай, но с мальчишками все же легче.

— Как бы то ни было, Морган, но у нас с тобой дочери.

Морган только кивнул и снова поцеловал ее. Тут послышались недовольные голоса, кажется, Сэмми и Лекса о чем-то спорили, поэтому он отпустил жену и отправился на кухню. Морган пригрозил, что найдет девочкам полезное занятие, если те немедленно не прекратят ссориться, и все разногласия сразу улеглись. Вскоре в комнату тихо вошла Адди, она продолжала молиться о том, чтобы Морган смирился с тем, что должно было случиться. Какое же облегчение она испытала, когда услышала, как он разговаривает с Эдди.

— Эд, а Роберт никогда не упоминал о своем желании побывать в Джорджтауне?

— Он писал об этом однажды, — ответила она, — но я не могла с уверенностью сказать, насколько хорошей была эта мысль, поэтому не ответила на его желание.

— Но тебе бы хотелось, чтобы он приехал?

Эдди подняла на отца встревоженные глаза. Она посмотрела на него с такой мольбой, что вдруг стала выглядеть намного моложе своих восемнадцати лет. Она открыла рот, но не проронила ни звука. Наконец Эдди просто кивнула.

— Что ж, — голос Моргана стал мягче, — тогда, полагаю, нужно пригласить его.

Эдди бросилась к отцу, обвила руками его шею изо всех сил. Он рассмеялся и тоже обнял ее.

— Ага, вот подлиза! Если раньше ты думал, что Эдди тяжело заставить работать, — прокомментировала Лекса, — то теперь это будет просто невозможно.

— Лекса Фонтейн, закрой рот, — без обиняков бросила Джеки.

— Хорошая мысль, — произнесла Аделина твердым, но более спокойным голосом, — а если ты, Лекса, позволишь себе использовать такие выражения снова, то мне придется вымыть твой рот с мылом.

— Да, мама.

Лексе было достаточно этой угрозы со стороны матери, но, когда та отвернулась, Джеки поймала на себе неодобрительный взгляд младшей сестры. Однако она не обратила на него никакого внимания, а только смотрела на Лексу, высоко подняв подбородок, пока та не отвела глаз.

Ночью, лежа в кровати, Джеки даже не вспоминала о том, что говорила Лекса, у нее самой было много вопросов к Эдди. Девушки жили в одной комнате и спали на одной кровати и, как обычно, перед сном обсуждали дневные происшествия.

— Эдди, ты любишь Роберта?

— Да, — тихо ответила девушка. — Мне кажется, я полюбила его с нашей первой встречи, но потом я думала, что, может, это просто увлечение. Но, после того как мы стали переписываться, я уже не сомневалась в том, что это было настоящее чувство.

— Тебя волнует мысль о том, что ты могла бы жить в доме, который он построит для вас двоих?

Эдди только рассмеялась. В своих мыслях она не заходила так далеко.

— А я вот никогда не буду влюбляться, — заявила Джеки, удобней устраиваясь на подушке. — Я думаю, от мужчин одна головная боль.

— Боюсь, ты можешь переменить свое мнение, Джеки, — ласково промолвила Эдди.

— Да никогда! До сих пор удивляюсь, как ты могла разговаривать сегодня с этим Клеем Тэггартом. Я его просто ненавижу.

Эдди улыбнулась, но ничего не сказала и повернулась, чтобы погасить лампу. Но в мыслях у нее звучало: «Ты можешь переменить свое мнение, Джеки».